

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/10

Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингвов: интерферентное влияние или внутриязыковые тенденции?*

З.И. Резанова¹, Ю.А. Рябова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: yuliya_ryabova_93@mail.ru

Авторское резюме

Представлены результаты исследования конкретных вариантов интерферентных проявлений в сфере славяно-тюркского языкового взаимодействия: отклонения от норм выражения рода и числа в русской речи тюркско-русских билингвов, соотношение которых в грамматических системах вступающих во взаимодействие языков принципиально различно. Славянские и тюркские языки относятся к типологически разным языкам (флективные синтетические vs агглютинативные), различаются набором грамматических категорий, типами межкатегориального взаимодействия, различной конфигурацией частных грамматических значений и способами их формального маркирования в составе одноименных категорий. Языки славянской и тюркской групп находятся в отношениях интенсивного контактирования, следствием чего является множественность вариантов интерферентных явлений в речи двуязычных говорящих. Была проанализирована речь 22 респондентов в возрасте от 23 лет до 81 года, имеющих образование от начального до высшего (около 140 тыс. словоупотреблений). В результате проведённого исследования было показано влияние различий грамматических структур взаимодействующих языков на интенсивность появления ошибок в русскоязычной речи: 1) ошибки в использовании грамматического рода преобладают во всех синтаксических позициях, что обусловлено отсутствием в материнских тюркских языках категории рода; 2) различия в устройстве грамматических категорий числа взаимодействующих языков проявились в преобладании ошибок в использовании форм числа веществ-

* Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

венных и собирательных существительных; 3) вариантность частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода в русском языке нашла отражение в том, что немаркированный член оппозиций мужской род оказался доминирующим во всех синтаксических позициях, за исключением выражения отношений координации связочного глагола в составных сказуемых; 4) интерферентные явления вступают во взаимодействие с активными тенденциями в развитии русского языка, а также закономерностями развёртывания устной речи.

Ключевые слова: русский язык, тюркские языки, контакты языков, билингвизм, интерференция, категория рода, категория рода.

Grammatical gender and number in the speech of Turkic-Russian bilinguals: interference or intra-linguistic tendencies?*

Z.I. Rezanova¹, Yu.A. Ryabova²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: yuliya_ryabova_93@mail.ru

Abstract

The article presents the results of the study of specific variants of interference in the Slavic-Turkic language contact, namely the deviations from the norms of gender and number expression in the Russian speech of Turkic-Russian bilinguals, with fundamentally different ratio in the grammatical systems of the contacting languages. The Slavic and Turkic languages are typologically different (inflectional synthetic VS agglutinative) in their grammatical categories, types of intercategory interaction, configurations of particular grammatical meanings and their formal markers within the same categories. The Slavic and Turkic languages are in close intense contact, which results in multiple variants of interference in the speech of the bilingual speakers. The authors have analysed the speech (about 140,000 words) of 22 respondents, aged from 23 to 81, with their education level ranging from primary to higher, to conclude that the differences in the grammatical structures of the interacting languages influence the number of grammatical errors in L2: 1) errors in the use of the grammatical gender

* The study was carried out within the project "Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures", supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation Grant Nr. 14.Y26.31.0014.

prevail in all syntactic positions, due to its absence in the native Turkic languages of the bilinguals; 2) differences in the structure of grammatical number in the contacting languages resulted in the prevailing deviations from the speech standard in the use of number forms of material and collective nouns; 3) the variability of the particular grammatical meanings of the masculine, feminine and neuter genders in Russian resulted in the fact that the masculine gender, which is the unmarked member of the gender opposition, proved to prevail in all syntactic positions, except the coordination relation of the linking verb in compound predicates; 4) interference phenomena interact with current trends in the development of the Russian language, as well as with the spontaneous character of oral speech.

Keywords: Russian language, Turkic languages, language contacts, bilingualism, interference, grammatical gender, grammatical number.

Исследования в области межъязыковой интерференции ведутся не одно десятилетие, начиная с основополагающих работ У. Вайнрайха и Э. Хаугена [5; 21], в которых были заложены основы современной интерпретации процессов и результата взаимодействия языков, который выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного. В настоящее время накоплены значительные данные о проявлениях интерферентного взаимодействия на всех уровнях языковой системы при анализе разных типов вступающих во взаимодействие языковых пар.

Исследователи отмечают, что отклонение от нормы и системы второго языка может возникать вследствие как лакунарности определённых языковых категорий в системах взаимодействующих языков, так и вариативности их частной категориальной представленности. В последнем случае это могут быть различия в системах: 1) грамматических и лексико-грамматических категорий; 2) внутрикатегориальных оппозиций одноимённых категорий; 3) межкатегориального взаимодействия, соотносимого с первым фактором; 4) формального маркирования категорий и внутрикатегориальных оппозиций [2; 3; 5–8; 11; 21].

В связи с этим представляется весьма актуальным исследование конкретных вариантов интерферентных проявлений в сфере славяно-тюркского языкового взаимодействия. Славянские и тюркские языки относятся к типологически разным языкам (флективные синтетические vs агглютинативные), различаются набором грамматических категорий, как следствие – различными типами межкатегориального взаимодействия; при наличии одноимённых категорий – различной конфигурацией частных грамматических значений и способов их формального маркирования. Языки славянской и тюркской групп

относятся к числу наиболее распространённых на территории Российской Федерации, что обуславливает интенсивность языкового контактирования носителей данных языков и множественность вариантов интерферентных явлений в речи двуязычных говорящих.

В данной статье мы обращаемся к анализу интерферентных явлений, обусловленных влиянием родных тюркских языков (шорского, хакасского, сибирского татарского) в русской речи жителей Южной Сибири. Конкретный предмет анализа – отклонения от норм выражения рода и числа в русской речи тюркско-русских билингвов, соотношение которых в грамматических системах вступающих во взаимодействие языков принципиально различно, что, как будет показано далее, находит отражение как в количественной диспропорции проявлений интерференции, так и её направленности.

Вместе с тем уже Э. Хауген подчёркивал сложность дифференциации собственно интерферентных влияний, сдвигов в системе и норме второго языка, появляющихся под влиянием первого, и отклонений от нормы второго языка, истоки которых могут находиться в нём самом [21]. Интерферентные явления и внутриязыковые процессы могут вступать в интеракции [13], что также является важным аспектом нашего анализа.

Наличие грамматического рода с трёхчленной оппозицией частных грамматических значений и сложной системой морфолого-синтаксического маркирования является одним из наиболее значительных отличий грамматики русского языка, представителя восточнославянской ветви славянских языков, от тюркской, в которой грамматический род отсутствует [9; 10; 20]. При этом в тюркских языках гендерные различия в сфере обозначения живых существ могут маркироваться лексически [10: 6], и носители тюркских языков как родных могут опираться на семантические стратегии маркирования гендера как семантической категории. Однако при освоении русского языка у тюркско-русских билингвов должны формироваться особые навыки родовой категоризации с опорой на целостные морфосемантические комплексы. Вследствие этого можем предположить сосуществование навыков маркирования гендерных различий с опорой как на собственно семантические, так и формальные основания, лингвокогнитивные истоки которых различны.

В то же время возможность раздельного применения этих стратегий поддерживается и своеобразием категории рода в грамматической системе русского языка. Как известно, род является классифицирующей у существительных и словоизменяющей – у прилагательных русского языка. При этом именно адъективные флексии являются системными маркерами рода существительного, не имеющего специ-

фичной морфемы для обозначения родовых оппозиций [17]. Существительное и согласующиеся с ним адъективные формы составляют целостный комплекс выражения родовых грамматических оппозиций в русском языке [18]. Непоследовательность семантических мотиваций грамматической категоризации и внутрисловного формального маркирования отмечается в качестве основных причин возникающих трудностей при освоении категории рода русского языка представителями тюркоязычных народов [20: 18].

Отметим также, что причиной неустойчивости согласовательной нормы при усвоении русского языка может быть функциональное неравноправие частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода. Мужской род характеризуется как немаркированная форма, что может обусловить его экспансию в функции замещения других форм. Однако к такому функционированию приводит и семантическая немотивированность форм среднего рода, которая может претендовать на заместительную позицию вследствие своей семантической нейтральности.

Анализируемая в работе категория числа наличествует в грамматических системах тюркских и русском языке. Исследователи, работающие в сфере контрастивной грамматики русского и тюркских языков, отмечают принципиальное совпадение категориальной оппозиции числа в соотносимых языках: противопоставление смыслов единичности и раздельной множественности. Однако при этом, как подчёркивал Н.К. Дмитриев, «соотношение единственного и множественного чисел в тюркских языках не то, что в русском и других европейских. Форма *таш* не есть единственное число с точки зрения русского и других языков. Это недифференцированная форма для обозначения коллективного понятия “камней вообще”. Она может функционировать и по линии единственного, и по линии множественного числа. В каждом отдельном случае требуются особые синтаксические условия» [9: 68]. Отметив это, авторы «Сопоставительной грамматики русского и татарского языков» подчёркивают: «В связи с этим нулевой форме существительного татарского языка в русском языке может соответствовать и форма единственного, и форма множественного числа, например: Базарда ит саталар (На рынке продают мясо.) Мин жиләк жыям (Я собираю ягоды.)» [20: 22].

Несовпадение систем формального маркирования оппозиций единственного и множественного числа обусловлено типологическими различиями агглютинативных тюркских языков и флективного синтетического русского: в тюркских языках число маркируется аффиксом множественного числа, единственное число не имеет аффикса. В русском маркируются обе формы, при этом флексия совмещает

со значением числа значения падежа, в единственном числе – и рода.

Различия в характере маркирования форм числа в русском и тюркских языках определяются и слабой противопоставленностью именных частей речи в тюркских языках: «В хакасском языке существительные в функции определения не согласуются с определяемым словом ни в числе, ни в падеже и всегда имеют форму основного падежа ед. ч., независимо от формы определяемого слова» [10: 93–94].

Значимым является и различие взаимодействия категории числа с другими грамматическими и лексико-грамматическими категориями: к таковым в первую очередь нужно отнести интеракции категории числа с категорией определённости/неопределённости в тюркских языках при отсутствии таковой в русском языке. И, напротив, для русского языка характерно наличие функциональных отношений категории числа с лексико-грамматическими категориями абстрактности, вещественности, собирательности, проявляющихся в ущербности парадигмы по числу.

Следует учитывать и различия в характере лексико-семантических ограничений на реализацию грамматических значений: в русском языке существуют лексически ограниченные группы *pluralia* и *singularia tantum* при отсутствии соответствий в тюркских языках: «Аффикс множественного числа хакасского языка по сравнению с формантами множественности, собирательности русского языка более индифферентен по отношению к семантике слова, т. е. не зависит от лексического значения основы» [10: 93–94]. Система формального маркирования грамматического числа в русском языке характеризуется значительно меньшей регулярностью, нежели в тюркских языках в целом, и значительная часть регламентации формального маркирования располагается в сфере нормы, а не системы.

Полагаем, что значимым при характеристике интерферентных сдвигов является и определение типа билингвизма, характера языкового опыта говорящих на втором языке, времени и способа усвоения языка, активности использования двух языков на протяжении жизни и во время фиксации речи. Результаты анализа, представленные в данной статье, собирались на основе глубокого анкетирования двуязычных респондентов по двум анкетам – социолингвистической и анкете языкового опыта. Итоги анкетирования, приведённые в публикациях [4; 15], позволяют отнести родные языки билингвов к функциональному типу, который определяется как язык семейного наследия, или херитажный (эритажный) язык (о термине см., напр., [1]). Для этого типа языкового существования билингва характерно вытеснение родного языка русским языком, доминирующим во всех

сферах коммуникации, в сферу домашнего, реже – дружеского общения, в сферу маркирования этнокультурной идентичности. Такое функциональное распределение языков определяет относительно небольшое количество случаев интерференции, которые, однако, встречаются на всех уровнях языковой системы – от фонетического до дискурсивного [14].

Исследование проводилось на основе материалов бимодального корпуса устной речи тюркско-русских билингвов RuTuViC, объём звуковых файлов которого в настоящее время составляет более 500 ч звучания [19; 22]. В статье представлены результаты анализа морфологически размеченного фрагмента корпуса. Проанализирована речь 22 респондентов от 23 лет до 81 года, уровень образования которых – от начального до высшего. Объём проанализированного материала – 30 ч 18 мин звучания, около 140 тыс. словоупотреблений.

В сфере нашего внимания находятся: 1) синтаксические позиции форм, являющихся средством формального маркирования категории числа и рода; 2) частные грамматические значения числа и рода, при использовании которых проявляется неустойчивость нормы; 3) тенденции в развитии системы и нормы выражения категории числа и рода в родном и втором языке билингва. Мы проследим влияние на появление отклонения от речевого стандарта (ОРС) тенденций в развитии грамматических норм в первом и втором языках и их интеракций в сфере числа и рода.

Межсентенциальные отношения: согласование/координация

В межсентенциальных позициях формы согласования адъективных форм и координации глагольных форм числа и рода выступают средством выражения кореференции в тексте, маркируют отнесённость выражаемых смыслов субъекта/объекта последующего предложения к субъекту/объекту предыдущего.

В нашем материале отмечено значительное преобладание ОРС при использовании форм рода по сравнению с использованием форм числа в позиции местоименного и (или) глагольного маркирования кореференции текста (50 vs 10).

В совокупности ОРС в сфере **грамматического рода** доминирует использование форм мужского рода (31) в позициях женского (30) и среднего (1): *У нас... в шорском языке, у нас тридцать девять букв, в отличие... в русском языке – тридцать три, а у нас – тридцать девять, вообще, **сорок один был** (была), вот «кк» по-шорски: «кэ» есть и есть «кэээ-спирант», есть «у» и есть... (И.А., н. в., 2)¹; Ну, я слабо учился эта... в институте, поэтому **методику**, как эта... преподавания русского языка и литературы, ну, эта... я **его** (её) слабо усвоил (С.Г., в., 2).*

На втором месте по числу ОРС находится использование форм среднего рода (13) на месте женского (10) и мужского (3): *Вверхнее, скорее с восемьдесят четвёртого года начала появляться какая-то периодическая печать, самиздат назывался он (она). В восемьдесят восьмом оно уже было узаконено (она) (И.А., н. в., 2); Почему? У нас ставили арту, то есть напиток, который летом вместо кваса, как, жажду утоляло (утолял), очень вкусный напиток, а сейчас же почти никто не ставит (Р.С., в., 3). Формы женского рода в данной позиции характеризуются наименьшей экспансией – 6 случаев употребления: **Мулла умер, да, который вот на Высокогорной жил? Этот, как её (его), Фазых?** (В.Н., н. с.).*

Функциональное доминирование форм мужского рода согласуется с его характеристикой как немаркированного члена грамматической оппозиции. Полагаем, что именно немаркированность частной грамматической категории в системе «принимающего» русского языка делает её «хорошим кандидатом» на замещение других грамматических позиций.

В конкуренции частных **грамматических значений числа** в этой позиции побеждает единственное число на месте множественного (9 vs 1): *Я первый раз помидоры попробовала: думаю – какая гадость, и думаю, как его (их) едят (Р.С., в., 3); дети уже, мои внуки уже спокойно, достойно растут, и их никто, им не даёт понять, что он (они) какой-то не такой. Всё (В.С., с.с., 3); А племянники, есть племянницы у вас? – Респондент: Племянники есть. Ну, по-шорски говорим мы с ней (с ними) (Н.Н., с., 2); Хочу, чтобы дети и внуки говорили на этом языке. Очень хочу, но не-не-не... Но не делает (не делают). Да. (Н.Н., с., 2).*

Отклонение от нормы в этой сфере, на наш взгляд, имеет другую природу, нежели в сфере рода. Оно может быть обусловлено переключением смыслов при построении текста, проявляющегося в сужении области референтной отнесенности: от обозначения совокупности – к одному из элементов данной совокупности. В последующем предложении глобально сохраняется единство референции с объектом, названном в предыдущем, но формально маркируется его сужение: помидоры как вид плодов > конкретный представитель вида; группа лиц, объединённая по признаку родства > конкретный представитель группы. Отметим, что обратное соотношение представлено единичным примером, который также может быть объяснён в логике семантической стратегии переключения «единичное» > «совокупность»: *Вот эти бочки, вот такие вот, писят килограммовые, круглые такие, икры чёрной, икры красной, **селёдка, которая** голова вот так вот это, к хвосту, **такие крупные** (такая крупная) с икрой вообще. (В.С., с.с., 3). В приведённом контексте слово *селёдка* обозначает вид пригото-*

ленной особым образом сельди, контекстно актуализируются смыслы множественности, формируя конфликт формы единственного числа и контекстного значения множественности.

Внутрисентенциальные отношения: координация

Анализ ОРС в сфере **грамматического рода** в отношениях координации выявил абсолютное доминирование форм среднего рода прошедшего времени связочного глагола составного именного сказуемого (16 из 18 случаев ОРС): *Да, колхоз «Чепай» там было* (был) (О.Е., н., 3). Формы женского и мужского рода как ОРС единичны: *А варили, у них такая была приспособление* (такое было) *у эти, чугунки большие* (Г.П., с., 3); *Звонит мне и говорит, да это, ну, этот, время уже наверно был* (было) *десять, одиннадцатый* (Г.С., в., 3).

При этом материал позволяет выделить в качестве дополнительных факторов возможное влияние маркирования рода нечастотными флексиями (1), а также сложные случаи согласования – несклоняемые существительные (2), аббревиатуры (3) и пр., которые в русском языке интерпретируются скорее как факт нормативного предписания, но не системной детерминации:

(1) *Боль невыносимый* (невыносимая), *болит уже* (Н.Н., н., 3); *Вот мулла, например, тырганский-то занята* (занят), *там тоже это самый, пойти узнать, что в такой время* (такое время), *в такой день прийти и всё* (Г.С., в., 3);

(2) *...в это ета, в паровоз... паровозный депо* (паровозное), *можно было бы и Юргу, а без меня никуда, они не хотят. Как, как, а та... не отрывать их* (Н.Н., н., 3);

(3) *Да, да, да. А потом вот закончил и поехал в таштагольский КПТУ* (таштагольское) (П.Н., с. с., 3).

При использовании **форм числа** во внутрисентенциальных отношениях координации доминирует использование формы множественного числа в позиции нормативного единственного.

Примеры ОРС, с одной стороны, объединяются общей направленностью – функциональным доминированием смысловых отношений над формальными нормами согласования. В данном случае мы наблюдаем «снятие ограничений» на реализацию форм числа в классах собирательных (1) и вещественных существительных (2). С другой стороны, в случаях, когда наблюдается своеобразный конфликт лексического значения, включающего смыслы множественности элементов совокупности, и грамматического оформления единственным числом:

(1) *Нет. Которые постарше, которые уже лет под тридцать, под тридцать, все молодёжь выехали* (выехала), *семейные, не семейные.* (В.С., с. с., 3);

(2) Я говорю, всё равно, нет-нет, но всё равно, я говорю, **пыль же летят** (летит). (Н.Н., н., 3).

Полагаем, что данное рассогласование грамматических и лексических смыслов создаёт основу для возможности выбора стратегии согласования формального (нормативного в русской грамматической системе) и согласования «по смыслу», который является не нормативным для данных типов единиц, но весьма актуальным для русской грамматической системы в целом. Единичные ОРС могут быть непосредственно соотнесены с особенностями использования форм в родном языке. Так, авторы «Сопоставительной грамматика русского и татарского языков» отмечают, что правило симметричного маркирования форм числа имеет исключение в немногочисленной группе имён существительных с аффиксом множественного числа (например, яшьлар «молодёжь»), которые употребляются только во множественном числе [20: 25].

Отметим, что ОРС при маркировании **форм числа** возникают преимущественно в постпозиции предиката. В следующих примерах препозиция единицы, находящейся в отношениях координации, создаёт дополнительные условия для нарушения норм формального согласования. Контексты демонстрируют возможность подбора существительного после того, как определяющее слово уже произнесено. Предикат употреблён в обобщённо-личном значении, а затем находится конкретизирующее слово (*неопределённые лица* **поняли** > *начальство* **поняли**): ...в Киргизии уже поняли, здесь-то меня знали уже, в Киргизии уже **поняли, начальство** (поняло), как ученика-то ко мне поставят (В.С., с. с., 3).

В приводимых далее контекстах уже рассмотренные семантические основания для ОРС как выбора стратегии согласования по смыслу усложняются использованием метонимических переносных значений (область > это руководство области, ХГУ > руководство ХГУ): *И пригласили наша область* (пригласила) *шорцев, вот* (В.С., сс., 3); *И закончил техникум. И в этот же год ХГУ открыли* (открыл) *факультет... экономический факультет* (А.Ф., в., 3).

Проведённые исследования в области падежного управления в текстах рассматриваемого варианта тюркско-русского билингвизма выявили, что в зоне активного сдвига в системе падежного управления находится использование форм именительного падежа в локативной конструкции при предлоге [14: 206]. Если в первом тексте мы в качестве предпочтительной рассматриваем версию ОРС в сфере числа, связанной с выражением отношений координации по смыслу, то во втором случае оба варианта рассматриваются как равно возможные: ОРС может быть результатом отклонения от норм формального со-

гласования/координации по числу: *И закончил техникум. И в этот же год ХГУ открыли* (в ХГУ открыли) *факультет... экономический факультет* (А.Ф., в., 3), где глагол используется в неопределённо-личном значении в структуре односоставного предложения.

Семантическая стратегия выбора форм предиката наблюдается и в отношении координации со счётными местоимениями. Русская нормативная система предписывает исключительно возможность согласования счётных местоимённых наречий *столько, сколько, много, немного, мало, немало* со сказуемым в форме единственного числа, однако уже в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д.Э. Розенталя отмечается распространение использования форм множественного числа [16]. В речи наших респондентов также находит отражение данная тенденция: *Кстати, там очень много русских были* (было), *и они все шорский знали, я удивлялась; Конечно, даже взрослые пытаются и своих детей тащат, и детей много довольно-таки учатся* (учится) (З.И., с., 2).

Некоторые сбои согласования по числу также определяются спонтанным характером коммуникации, перестраиванием стратегий смыслового развития речи, которое может выражаться и сменой согласуемых элементов. Нарушение норм координации по числу может быть объяснено переключением стратегии характеристики ситуации от конкретного участника к группе лиц, определённой или неопределённой. Сказуемое, которое должно иметь форму единственного числа, принимает форму множественного, маркируя отнесённость к референту следующего фрагмента текста: *Вот даже вот недавно моя эээ, которая с кем-то я работала, взяли* (взяла) *в газету напечатали* (напечатала) (В.С., с., 3); *Ну, если честно говоря, то нам... на нашем народном ансамбле «Чылтыс» лежит* (лежат) *эм... практически все организационные мероприятия* нашего района. (В.С., с. с., 3); *В Абакан, ой..., в Хакасию ездил, мне нравится* (нравятся) *ихние равнины*. (А.Ф., в., 3).

ОРС в сфере **согласования по роду** в позиции внутрисентенциального употребления представлено наибольшим количеством случаев – 60. В согласовательной позиции проявилась та же закономерность, что и в функциональной позиции маркирования кореференции – ярко выраженная экспансия форм мужского рода (38), замещающая позиции женского (29) и среднего (9) рода: *В Казани вот я смотрю, там в каждом шагу мусульманский мечеть* (мусульманская) (Г.С., в., 3); *Да, да, да. А потом вот закончил и поехал в таштагольский КПТУ* (таштагольское) (П.Н., с. с., 3). Замещающие позиции форм женского рода представлены значительно меньшим количеством случаев (13), при этом доминирует использование форм женского рода на месте

мужского (8). Экспансия форм среднего рода в позициях других грамматических форм количественно значительно уступает первым двум.

В ряде случаев нарушение норм согласования в этой позиции также может быть объяснено ситуацией речевого сбоя, поиском продолжающего элемента высказывания. Приведем типичный пример: *А, это... как это... щас нету **такого** (такой), **централизованного...** (централизованной), **эта... поддержки**, например, как раньше при Советском Союзе, например, языковых э... ка... языковых кафедры и так далее* (Г.Н., в., 2).

Немногочисленные случаи нарушения норм в контактной препозиции согласовательной формы числа могут быть проинтерпретированы как следствие проявления общих закономерностей развёртывания спонтанной речи: *Летом на улице, зимой только дома. Но всё равно печка и плитка – совсем **раз-разный... продукты** (разные). Вкус совсем **разный*** (Н.Н., с., 2), что, однако, наблюдается не во всех примерах. Полагаем, что появление такого рода нарушений может быть поддержано и влиянием родного языка: «Форма единственного числа... выражает либо единичность, либо их единство, совокупность: иб юрта, угреппи ученик, хыные любовь и т. д.» [17: 37–50], т. к. во всех зафиксированных случаях ОРС сбой происходит в случаях использования абстрактных, вещественных и собирательных существительных: *Землянику собирала, а там кам-каменистое место, в горка она не стала залазить, а увидела **крупную ягоды** (крупные) и потянула... туда, а потом чё-то больно, думала, уколола, кровь бежит* (Н.Н., с., 2). *Вот так, вот **такой слухи** (такие слухи) ходят. Ка... где это проверить, как это проверить – никто не смог* (В.С., с. с., 3); ***Который слова** (некоторые) я уловлю* (Н.Н., с., 2).

В данных случаях реализуется та же семантическая стратегия, но с актуализацией идеи единства, совокупности.

Таким образом, в системе отклонений от речевого стандарта в сфере грамматического рода и числа, зафиксированных в речи херитажных тюркско-русских билингов, были обнаружены тенденции, согласующиеся с теоретическими идеями основоположников теории языкового контактирования и интерференции, а также эмпирическими результатами, полученными при изучении других языковых пар и типов билингвизма.

Во-первых, подтверждаются положения о влиянии грамматических структур взаимодействующих языков на интенсивность появления ошибок в сфере грамматики при использовании второго языка: ошибки в использовании грамматического рода преобладают во всех синтаксических позициях. Во-вторых, значимыми оказывается тип различий в устройстве грамматических категорий взаимодейст-

вующих языков, что проявилось в характере ОРС в системе грамматического числа. В-третьих, положение о функциональных различиях частных грамматических значений мужского, женского и среднего рода в русском языке нашло отражение в системе ОРС: немаркированный член оппозиций мужской род функционально оказался доминирующим во всех синтаксических позициях, за исключением выражения отношений координации связочного глагола в составных сказуемых. В-четвёртых, подтвердилось положение, высказанное ещё Э. Хаугеном, о переплётности интерферентных явлений и тенденции развития языковой системы «принимающего» языка: появление ОРС, истоки которых можно увидеть в интерферентном влиянии родного языка, поддерживается действием внутрисистемных активных тенденций в русском языке – разрушении системы последовательного согласования как по роду, так и числу под влиянием лексического значения в случаях конфликтности лексической и грамматической семантики. В данных позициях интерферентные явления вступают во взаимодействие с другими речевыми факторами. Так, мы полагаем, что преобладание ОРС в препозиции согласовательных форм обусловлено возможностью проявлений речевого сбоя в устной спонтанной коммуникации.

Полученные нами наблюдения согласуются также с результатами психолингвистических экспериментальных исследований когнитивной обработки форм грамматического рода существительных русского языка тюркско-русскими билингвами, которые свидетельствуют в пользу обработки грамматической категории как семантической [12].

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Фрагменты транскриптов интервью и бесед не редактируются, сохраняют особенности спонтанной разговорной речи наших собеседников. В соответствии с соглашением об анонимности мы не приводим в публикациях персональные данные респондентов, фрагменты диалогов сопровождаются обозначением инициалов их имён и отчеств, возрастной группы (1 – до 40 лет, 2 – от 40 до 65, 3 – от 65 и старше), уровня образования (в. – высшее, н. в. – неполное высшее, с. – среднее, с. с. – среднее специальное, н. с. – неполное среднее, н. – начальное). В диалогах реплики информантов даются курсивом, реплики также анонимизированных интервьюеров – основным шрифтом, разграничиваются тире).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 5–23. DOI: 10.17223/22274200/14/1
2. *Арбузова И.И.* Языковая интерференция и её учёт в преподавании темы «Русские пространственные предлоги» в иностранной аудитории // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 1. С. 143–150.
3. *Ерановска-Грончевска Э.* Русско-польская лексико-семантическая интерференция (на примере письменной и устной речи поляков и петербуржцев польского происхождения в Санкт-Петербурге): автореф. дис.... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.
4. *Артёмченко Е.Д., Буб А.С.* Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири // Русин. 2019. № 56. С. 294–311. DOI: 10.17223/18572685/56/18
5. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.
6. *Гнатюк О.А.* Грамматическая интерференция при русско-испанском двуязычии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 64–69.
7. *Градская Т.В., Пакос Ю.* Проявление языковой интерференции (на материале русского и польского языков). URL: https://lunn.ru/sites/default/files/media/upr_NIR/izd/tpaird/2016/21_gradskaya_t.v._pakos_yu.p.pdf (дата обращения: 16.09.2021).
8. *Данилина Е.К.* Ошибки, вызванные грамматической интерференцией (на примере письменных работ студентов) // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (4). С. 299–301.
9. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. 169 с.
10. *Карпов В.Г.* Сопоставительная фонетика и грамматика хакасского и русского языков. Абакан, 2011. Ч. I. 220 с.
11. *Нагель О.В., Темникова И.Г.* Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // Русин. 2019. № 56. С. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/13
12. *Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е.* Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 103–123. DOI: 10.17223/19986645/57/6
13. *Резанова З.И., Дыбо А.В.* Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие // Русин. 2020. № 62. С. 144–158. DOI: 10.17223/18572685/62
14. *Резанова З.И., Дыбо А.В.* Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 195.
15. *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (рус-

ско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68. DOI: 10.17223/15617793/436/7

16. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. 5-е изд., испр. М.: Книга, 1989. 320 с.

17. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

18. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 16.09.2021).

19. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № RU 2019620803 «Бимодальный корпус устной речи жителей южно-сибирского региона» / Артёмов Е.Д., Буб А., Васильева А.В., Душейко А.С., Машанло Т.Е., Нагель О.В., Резанова З.И., Сафиуллина Е.Ш., Степаненко А.А., Темникова И.Г.

20. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Морфология. Казань, 2017. 180 с.

21. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М.: Прогресс. 1972. С. 61–80.

22. *Rezanova Z.I., Temnikova I.G., Artemenko E.D., Stepanenko A.A., Datsyuk V.V., Dybo A.V.* The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2019). Вып. 18. Дополнительный том. С. 200–210. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

REFERENCES

1. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2018) Problems of lexicographic description of linguodidactic terminology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 5–23 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/1

2. Arbuzova, I.I. (2013) Yazykovaya interferentsiya i ee uchet v prepodavanii temy “Russkie prostranstvennyye predlogi” v inostrannoy auditorii [Linguistic interference and its consideration in teaching Russian spatial prepositions to an international audience]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*. 1. pp. 143–150.

3. Eranovska-Gronchevska, E. (2004) *Russko-pol'skaya leksiko-semanticheskaya interferentsiya (na primere pis'mennoy i ustnoy rechi polyakov i peterburzhtsev pol'skogo proiskhozhdeniya v Sankt-Peterburge)* [Russian-Polish lexical-semantic interference (a case study of written and oral speech of Poles and Petersburgers of Polish origin in St. Petersburg)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

4. Artemenko, E.D. & Bub, A.S. (2019) Dynamics of sociolinguistic situation of Khakass-Russian language interaction in South Siberia. *Rusin*. 56. pp. 294–311 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/18

5. Weinreich, U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism

and multilingualism]. In: Rozentsweig, V.Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike* [Findings in Linguistics]. Vol. 6. Moscow: Progress. pp. 25–60.

6. Gnatyuk, O.A. (2014) Grammatical interference in Russian-Spanish bilingualism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Lingvistika" – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 3. pp. 64–69 (in Russian).

7. Gradskaya, T.V. & Pakos, Yu (2016) *Proyavlenie yazykovoy interferentsii (na materiale russkogo i polskogo yazykov)* [The Phenomenon of Language Interference (on the Basis of the Russian and Polish Languages)] [in Russian]. [Online] Available from: https://lunn.ru/sites/default/files/media/upr_NIR/izd/tpaird/2016/21_gradskaya_t.v._pakos_yu.p.pdf (Accessed: 16th September 2021).

8. Danilina, E.K. (2013) Oshibki, vyzvannye grammaticheskoy interferentsiei (na primere pismennykh rabot studentov) [Errors caused by grammatical interference (based on written assignments of students)]. *Izvestiya vuzov. Seriya "Gumanitarnye nauki" – News of Higher Schools. Series "Humanities"*. 4(4). pp. 299–301.

9. Dmitriev, N.K. (1948) *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Bashkir grammar]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

10. Karpov, V.G. (2011) *Sopostavitelnaya fonetika i grammatika khakasskogo i russkogo yazykov* [Comparative phonetics and grammar of the Khakass and Russian languages]. Vol. 1. Abakan: Khakassia State University.

11. Nagel, O.V. & Temnikova, I.G. (2019) The Tatar Language Transfer in the Speech of Tatar-Russian Bilinguals. *Rusin*. 56. pp. 213–225 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/13

12. Nekrasova, E.D., Rezanova, Z.I. & Paliy, V.E. (2019) Vliyanie rodnogo yazyka (L1) na kognitivnyuyu obrabotku grammaticheskoy kategorii roda sushchestvitelnykh russkogo yazyka (L2) russo-tyurkskimi bilingvami [The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 103–123 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/6

13. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2020) Deviations from the Speech Standard in the Regional Version of Oral Russian Speech: Intralingual and Interlingual Interactions. *Rusin*. 62. pp. 144–158 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62

14. Rezanova, Z.I. & Dybo, A.V. (2019) Language interaction in speech practices of Shor-Russian bilinguals of Southern Siberia. *Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitar. Nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2(187). pp. 195–211 (in Russian).

15. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of socio-linguistic processes in Southern Siberia mirrored in bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar language interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/7

16. Rozental, D.E. (1989) *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoy pravke*:

Dlya rabotnikov pečati [A Handbook of Spelling and Literary Editing: For Publishers]. 5th ed. Moscow: Kniga.

17. Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

18. Rusgram.ru. (n.d.) *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian Corpus Grammar]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru> (Accessed: 16th September 2021).

19. Artyomenko, E.D., Bub, A.S., Vasilyeva, A.V., Dusheiko, A.S., Mashanlo, T.E., Nagel, O.V., Rezanova, Z.I., Safiullina, E.Sh., Stepanenko, A.A. & Temnikova, I.G. (n.d.) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № RU 2019620803 "Bimodal'nyy korpus ustnoy rechi zhiteley yuzhno-sibirskogo regiona"* [Certificate of State Registration of Database Nr. RU 2019620803 "Bimodal Corpus of Oral Speech of People of the Southern Siberia"].

20. Valiulina, Z.M. (2017) *Sopostavitelnaya grammatika russkogo i tatarskogo yazykov. Morfologiya* [Comparative Grammar of Russian and Tatar Languages. Morphology]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo.

21. Haugen, E. (1972) *Yazykovoy kontakt* [Language contact]. In: Rozentsweig, V.Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike* [Findings in Linguistics]. Vol. 6. Moscow: Progress. pp. 61–80.

22. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G., Artemenko, E.D., Stepanenko, A.A., Datsyuk, V.V. & Dybo, A.V. (2019) The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC). In: Selegey, V.P. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Issue 18. Supplementary volume. pp. 200–210. [Online] Available from: http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf (Accessed: 16th September 2021).

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Рябова Юлия Алексеевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yuliya A. Ryabova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: yuliya_ryabova_93@mail.ru